— Кто меня ищет? — раздался голос брата Шрама из лифта, дверь которого еще до конца не раскрылась. Приближаясь, Шрам взглядом оценивал Линь Чэна.

Линь Чэн тоже смерил взглядом Шрама. Этот человек оправдывал свое прозвище: длинный красный рубец тянулся от линии волос, останавливаясь над бровями, на нем смутно виднелись линии швов. Выглядело это отвратительно.

— Птенчик, ты меня ищешь?

Лицо Шрама приняло злое выражение, вкупе с лютой внешностью создавалось крайне недружелюбное впечатление. Он повернул голову и посмотрел на своего бойца номер один, Гао Фэна, которому Линь Чэн сломал руку:

— Сначала поднимите его и спустите вниз, руку нужно вылечить.

Двое младших братьев подхватили Гао Фэна и понесли вниз.

— Тебя зовут Шрам, верно? — Линь Чэн тоном своих слов не скрывал высокомерия.

Шрам еще больше разозлился: «Так это ты позвал Шрама?»

Шрамом его называет только старший брат, Чжао Циннань, кроме него за последние два года никто еще к нему так не обращался, все называют его «старина Шрам». Нижестоящие младшие братья и равные ему друзья говорят «господин Шрам». Шрам привык смело воевать и жертвовать собой, ни в чем не проявлять слабину, так что братья в цзянху очень его уважают. Но сейчас, когда Шрам услышал, как Линь Чэн прямо назвал его этим прозвищем, злоба вскипела в его сердце и начала постепенно подниматься к голове. Однако, когда он увидел ужасающую картину со сломанной рукой Гао Фэна, то не стал звать помощника, чтобы тот разобрался с Линь Чэном.

— По какому делу ты меня искал?

— Дело действительно есть, иначе я не стал бы пинать штурвал, чтобы заставить тебя выйти.

— Ха-ха, малыш, уж коли ты знаешь мое прозвище, ты должен понимать, что сегодняшний день не сулит тебе ничего хорошего. Ты сломал руку моему младшему брату, поэтому я сломаю тебе обе руки. Кроме того, ты разбил мой штурвал, это выйдет для тебя не слишком дорого. Оставишь здесь 88800 юаней и обе руки, и после этого можешь идти.

Линь Чэн громко рассмеялся:

— Ха-ха-ха-ха, с такими условиями я не согласен.

— Тогда используй свою силу для дальнейшего разговора, — брат Шрам махнул рукой, — Избить.

Орава младших братьев ждала этого приказа. Более 30 человек, вооруженных тесками и стальными трубами, разве они не смогут задать трепку двум безоружным типам? В общении с людьми не нужно быть слишком мягким, и не следует слишком сильно на них давить.

Ван Цзе сделал маленький подшаг и быстро нанес боковой удар ногой одному из бандитов, такой мощный, что тот впечатался в стену, разбив по пути горшок с карликовым деревом. Удар получился небывалой силы, исполненный максимально чисто за всю боевую карьеру Ван Цзе. Раньше, еще во времена занятий саньда, Ван Цзе славился своими железными кулаками, сейчас же, глядя на его работу ногами, можно утверждать, что его ноги не отстают от кулаков.

Толпа «младших братьев» ринулась вперед, невзирая на мощь его ног. Опустив ногу, Ван Цзе выполнил движение «железное коромысло». Два железных кулака, подобно коромыслам, смели все перед собой, в результате чего еще два бандитских «мальчика на побегушках», одновременно с мощным выдохом Ван Цзе, легли на пол.

Хотя Ван Цзе демонстрировал бесстрашие, все-таки противники вооружены тесками, разве можно противостоять им голыми руками? Ван Цзе сбил с ног еще 3-4 человек, но его тело уже покрылось порезами, от ударов тесаками появились раны на спине и предплечьях.

Еще немного размяв кулаки, он внезапно обнаружил, что напор атаки иссяк, вокруг больше не находилось желающих вступить с ним в схватку. А все потому, что эффект от бокового удара ногой и действий кулаками оказал подавляющее воздействие на окружающих. Оставшиеся противники видели, что Ван Цзе действует очень жестко, справиться с ним будет непросто. А тайцзи Линь Чэна выглядело мягким, не имеющим яростных движений, но часто могло одним незаметным движением вывести человека из строя. Стоявшие поодаль и не вступившие в схватку не могли ясно видеть, что там творится, поэтому повернулись в направлении Линь Чэна и пошли на него.

Линь Чэн, не двигаясь с места, принимал противников пачками и укладывал штабелями. Хотя он и неуязвим, все же получил 2-3 пореза ножами. Но, в конце концов, Линь Чэн — мастер, постигший скрытое усилие, у него превосходная внутренняя работа, вдобавок повышенная чувствительность кожи. Как только его касался тесак, он мог это почувствовать еще до того, как лезвие войдет в тело, и избежать пореза за счет быстрого движения ногами и сокращения мышц. Удары тесаками сыпались со всех сторон, и правда невозможно увернуться. Линь Чэн, делая микродвижения корпусом, гасил поражающую силу ножей. В поединках против настоящего оружия его гунфу еще больше закалялось, отсекались красивые, но неэффективные движения. Нейтрализующее действие нужно доводить до конца, недопустимо во время нейтрализации атаки противника использовать хоть сколько-нибудь силы. Эти моменты нужно уяснить в реальном бою.

В схватке против настоящего оружия все чувства сосредоточены, внимание в высшей степени сконцентрировано. В такие моменты гунфу Линь Чэна было способно как будто вот-вот преодолеть скрытое усилие, и выйти на уровень изменчивого усилия. Конечно, это всего лишь

ощущение, изменчивого усилия не достичь одним махом, само собой, нужно пройти еще очень долгий путь.

Ван Цзе обнаружил, что драться больше не с кем. Хотя он получил достаточно ранений, они не были серьезными. Для такого здоровяка как он потеря нескольких капель крови — это пустяки. Ван Цзе посмотрел в сторону Линь Чэна. Линь Чэн уже уложил более 20 человек, но на его теле не было заметных следов крови, даже в тех местах, куда попали тесаки, крови пролилось не много.

Прихвостни Шрама, разбросанные Линь Чэном вокруг, лежали на полу и издавали стоны.

Шрам, видя удаль Линь Чэна и Ван Цзе, понял, что сегодня он им не противник. Спускаясь, он не захватил с собой пушку, и, похоже, сегодня потерпел поражение.

— Брат, впечатляющее мастерство! Разрешите узнать, по какому делу вы пожаловали, неужели для того, чтобы просто побить моих подчиненных?

Не бывало еще такого, чтобы братья слышали от брата Шрама такие слова. Обычно Шрама считают грозным человеком, чтобы пошатнуть его авторитет, нужно быть редким храбрецом. Сегодня авторитет брата Шрама не просто пошатнулся, а упал ниже плинтуса. Хотя всем своим видом он старался не показать слабину, но, если сравнивать с его обычным поведением, сейчас брат Шрам в глазах младших братьев унижался дальше некуда.

Посетители, подошедшие оплатить счет, увидев развернувшуюся картину, перепугались, спрятались в конце коридора, и украдкой поглядывали издалека. У брата Шрама беспрекословный авторитет, он абсолютный повелитель юга города, опираясь на свою славу он способен подчинить всю шпану в округе. А если кто-то из округи скажет, что знает брата Шрама, тут же начинает пользоваться уважением. А сейчас нашелся человек, посмевший избить младших братьев брата Шрама на его территории. Последствия можно легко себе представить. Но сегодня такая точка зрения стала ошибочной. На территории брата Шрама более 30 его помощников оказались отправлены на землю двумя парнями, смотревшие снизу-вверх на брата Шрама люди впервые увидели, как брат Шрам разговаривает заискивающим голосом.

Но Шрам не мог не говорить заискивающим голосом! В глубине души он ненавидел себя за это. Он полагал, что у себя дома он в абсолютной безопасности. Обычно, выходя по делам, он брал с собой ствол, почему же сегодня не взял? В результате он вынужден в присутствии стольких братьев смиренно, упавшим голосом, беседовать с человеком, поколотившим его людей. Хотя брат Шрам произнес унизительные для себя слова, сделал он это все равно жестко. Как говорится «осел умер, но продолжает стоять».* «Даже у вареной утки твердый клюв».**

*Идиома означает ситуацию, когда человек потерпел поражение, но отказывается это признавать.

**Человек ошибся, но не признает свою неправоту.

Брат Шрам еще разок напомнил себе, что клюв у него все еще твердый, однако из его слов братьям стало понятно, что Шрам уже стал мягким.

— Брат Шрам, есть дело, давай пройдем в твой кабинет, поговорим. Здесь большой поток людей, слишком шумно.

— Хорошо, я скажу человеку приготовить чай. Прошу.

Брат Шрам шепотом отдал распоряжения младшему брату, вместе с Линь Чэном они поднялись на лифте на верхний этаж и прошли в офис.

У брата Шрама роскошный кабинет, с большим столом руководителя, размером, как минимум, три с половиной метра. Рядом со столом расположены два ряда гостевых диванов. Изначально Шрам, недолго думая, расставил здесь 20 диванов, но появилась проблема: входившие в кабинет *** не осмеливались присесть, так и оставались стоять. Поэтому необходимость в таком большом количестве диванов отпала. А если приходит хозяин брата Шрама, южный небесный князь Чжао Циннань, только Шраму позволяется садиться, и в это время его подчиненные младшие братья не смеют сесть.

Войдя в кабинет брата Шрама, Линь Чэн тут же уселся на диван. Брат Шрам позвонил в колокольчик. Красивая женщина осторожно открыла дверь, внесла чайник с чаем, разлила чай, затем ушла, легонько прикрыв дверь.

— Я так и не спросил брата как его зовут, — сказал брат Шрам на удивление доброжелательным тоном.

— Моя фамилия Линь. Мой визит сегодня получился слегка бесцеремонным, прошу прощения за беспокойство.

Брат Шрам едва не скривил нос. «Ты называешь это беспокойством? Это не беспокойство а избиение. Сегодня ты пришел избить людей, избил целую толпу, и просишь прощения за беспокойство?»

— Брат Шрам, дело вот в чем. Несколько дней назад ты пришел в ресторан моей подруги, устроил там погром и грабеж, она очень огорчилась, понесла большие убытки, — горестно сказал Линь Чэн.

Еще до прихода сюда он думал решить вопрос силой, разделаться с братом Шрамом и заставить его извлечь урок. Но в вестибюле к нему пришло осознание: ты конечно можешь убить Шрама, но ведь человеческая жизнь имеет абсолютную ценность. Раз уж он не сможет убить Шрама, то, если всего лишь побьет его, не станет ли он мстить? Затаив обиду, он будет

беспокоить Ван Юэин. Так проблема не исчезнет, а ситуация еще больше усугубится. Он не может вечно торчать в ресторане Ван Юэин. Если хочешь уладить вопрос, нужно довести это до конца, нельзя оставлять Ван Юэин в опасности. В конце концов, они не просто знакомые, а хорошие друзья, и раз она к нему обратилась, нужно как следует ей помочь. Поэтому Линь Чэн быстро изменил свою стратегию, поставил на первое место достижение мира, решил разыскать главного злодея и договориться с ним, несмотря ни на что. Нужно лишь выяснить, кто главный, и он «двигаясь по лиане, доберется до самой тыквы», и поможет Ван Юэин окончательно решить этот вопрос.

Услышав его слова, брат Шрам про себя возразил: «Устроили погром — это я признаю, но никакого грабежа не было. Мы делаем то, что решили сделать. Раз уж пошли громить, то никогда не возьмем чужие вещи. Для нас, обитателей преступного мира, это дело принципа».

— Брат Линь, меня наняли на это дело, такая у нас работа. Что же тут плохого? Нас просят драться, и мы это делаем.

Подчиненных не было рядом, и брат Шрам вел себя на удивление покладисто. Однако Шрам все еще не признал свое поражение и ждал, когда выпадет шанс отыграться. Он человек из цзянху, крутится там уже много лет, в первое время еще мог рискнуть жизнью, но сейчас все иначе. У него есть все, чего не пожелаешь. Статус — есть, деньги — есть, женщины тоже имеются. Недаром говорится: чем дольше человек в цзянху, тем меньше в нем смелости.

Он мог протянуть руку и схватить ствол, который находился рядом, но не стал делать опрометчивых поступков, побоялся своей способности стрелять точно в цель.

http://tl.rulate.ru/book/70407/3294893